

Антон Чехов

Моя Нана

Антон Павлович Чехов

Моя Нана

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22114098

Чехов А. П. Моя Нана // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем:

В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 2. [Рассказы. Юморески], 1883 – 1884.:

АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького.; Москва; 1975

Аннотация

«...Был хороший весенний вечер. Я воротился с дачного «круга», на котором мы учиняли пляс, как угорелые. В моем юношеском организме, выражаясь образно, камня на камне не было, восстал язык на язык, царство на царство. В моей отчаянной душе раскалялась и бурлила наиотчаяннейшая любовь. Любовь была жгучая, острая, дух захватывающая – первая, одним словом. Влюбился я...»

Антон Павлович Чехов

Моя Нана

Это было тогда, когда я еще не был неизвестным литератором и мои колючие усы не были еще даже чуть заметными полосками...

Был хороший весенний вечер. Я воротился с дачного «круга», на котором мы учиняли пляс, как угорелые. В моем юношеском организме, выражаясь образно, камня на камне не было, восстал язык на язык, царство на царство. В моей отчаянной душе раскалялась и бурлила наиотчаяннейшая любовь. Любовь была жгучая, острая, дух захватывающая – первая, одним словом. Влюбился я в высокую статную барыньку, лет двадцати трех, с глупеньким, но хорошеньким личиком, с чудными ямочками на щеках. Влюбился я и в эти ямочки и в белокурые волосы, которые кудряшками падали на красивые плечи из-под широкополой соломенной шляпки... Ах, одним словом! Воротясь с круга, я повалился на свое ложе и застонал, как пришибленный. Через час я сидел за столом и, дрожа всем телом, измарав целую десть бумаги, сочинял письмо следующего содержания:

«Валерия Андреевна! Я знаком с вами очень мало, почти незнаком, но это не может послужить мне препятствием на пути к достижению намеченных мною целей. Миную

громкие фразы, я прямо приступаю к цели: я люблю вас! Да, я люблю вас, и люблю больше жизни! Это не гипербола. Я честен, тружусь (следует длиннейшее описание моих доблестей)... Жизнь моя мне не дорога. Не сегодня – так завтра, не завтра – так через год... не всё ли равно? На моем столе, в двух футах от моей груди, лежит револьвер (шестистволка). Я в ваших руках. Если вам дорога жизнь страстно любящего вас человека, то отвечайте. Жду ответа. Ваша Палаша знает меня. Можете через нее ответить. Ваш вчерашний vis-à-vis (такой-то, имя рек)...

Р. S. Сжальтесь!»

Запечатав это письмо, я положил перед собой на стол револьвер – для «фантазии» больше, чем для самоубийства – и пошел между дач искать почтового ящика. Ящик был найден и письмо опущено.

Вот что произошло, как рассказывала мне потом Палаша, с моим письмом. На другой день утром, часов в одиннадцать, Палаша, после прихода почтальона, положила мое письмо на серебряный поднос и понесла его в спальную хозяйки. Валерия Андреевна лежала под воздушным шёлковым одеялом и лениво потягивалась. Она только что проснулась и выкуривала первую папироску. Глазки ее капризно щурились от луча, который сквозь окно назойливо бил в ее лицо. Увидев мое письмо, она состроила кислую гримасу.

– От кого это? – спросила она. – Прочти сама, Палаша! Я

не люблю читать этих писем. Глупости всё...

Палаша распечатала мое письмо и принялась за чтение. Чем больше углублялась она в чтение моего сочинения, тем круглее и шире делались глаза ее госпожи. Когда она дочитала до револьвера, Валерия Андреевна раскрыла рот и с ужасом поглядела на Палашу.

– Что это значит? – спросила она недоумевая.

Палаша прочла еще раз. Валерия Андреевна замигала глазками.

– Кто же это? Кто он? Ну, зачем он так пишет? – заговорила она плаксиво. – Кто он?

Палаша припомнила и описала меня.

– Ах! Да зачем он это пишет? Ну, разве так можно? Что же я могу сделать? Не могу же я, Палаша! Он богат, что ли?

Палаша, которой я отдавал на чай почти все свои дивиденды, подумала и сказала, что я, вероятно, богат.

– Не могу же я! Сегодня, вот, у меня Алексей Матвеич будет, завтра барон... В четверг Ромб будет... Когда же я могу его принять? Днем разве?

– Григорий Григорыч обещались у вас быть нынче днем...

– Ну, вот видишь! Разве я могу? Ну, скажи ему... Пусть... Пусть хоть чай придет сегодня пить... Больше я не могу...

Валерия Андреевна готова была заплакать. Первый раз в жизни она узнала, что за штука револьвер, и узнала из моего сочинения! Вечером я был у нее и пил чай. Выпил четы-

ре стакана, хоть и страдал... На мое счастье был дождь и не приехал к Валерии ее Алексей Матвейч. В конце концов я ликовал.